

ЗИНАИДА ГИППИУС

ОБЫКНОВЕННАЯ ВЕЩЬ

Зинаида Гиппиус
Обыкновенная вещь

«Public Domain»

1904

Гиппиус З. Н.

Обыкновенная вещь / З. Н. Гиппиус — «Public Domain», 1904

«День прошел, приблизительно, как все дни, и профессор Ахтыров, хотя и устал, но надеялся, отдохнув с полчаса после обеда, заняться вечером еще своими „Беседами о биологии“. Он подготовлял третий выпуск...»

© Гиппиус З. Н., 1904

© Public Domain, 1904

Зинаида Гиппиус

Обыкновенная вещь

День прошел, приблизительно, как все дни, и профессор Ахтыров, хотя и устал, но надеялся, отдохнув с полчаса после обеда, заняться вечером еще своими «Беседами о биологии». Он готовил третий выпуск.

Профессор Ахтыров, зоолог, читал и в университете и на высших курсах и пользовался завидной и вполне заслуженной популярностью. Уже не очень молодой, спокойный, видный, с окладистой черной бородой и приятными, добрыми глазами, всегда уверенный и положительный, начитанный, – он среди молодежи снискал себе еще репутацию человека крайне «честного» и «отзывчивого». У него были «убеждения». И для приобретения этой репутации он не сделал никаких усилий, потому что действительно был честен, и отзывчив, и верен своим убеждениям.

Года три тому назад, во время университетских волнений, он за свою стойкость отчасти пострадал; студенты делали ему овации, курсистки поднесли адрес. Потом все окончилось благополучно.

Теперь тоже разнесся слух, что Ахтыров должен пострадать. И сегодня, когда он вернулся из университета, где лекции не читал, а только разговаривал со своей аудиторией и где так много кричали, его уже ожидала дома депутация курсов. Курсистки в черных платьях сидели полукругом в его гостиной, а когда он вошел, одна поднялась и прочла адрес, на который он долго и растроганно отвечал; потом попросил всех барышень сесть, и стали разговаривать просто и по-дружески. Барышни были милые, немного робкие. Говорил опять Ахтыров, уверенно, бодро и разумно, очень прогрессивно, и всем казалось, что все верно и все решительно ясно, и Ахтыров и курсистки остались довольны друг другом.

После курсисток Ахтыров еще поехал на одно дневное собрание, которое тоже его удовлетворило во многих своих частях, и только после собрания он вернулся окончательно домой, к самому обеду.

Квартира у него была небольшая, без претензий, на Петербургской стороне. В чистой, длинной столовой семья села за обед. Ахтыров, его жена Вера Николаевна, десятилетняя Маничка и Владя, совсем уже большой мальчик, гимназист четвертого класса. Впрочем, ему трудно было дать тринадцать лет: высокий, но тонкий, тщедушный, бледный, с маленьким серьезным лицом.

Ахтыров очень любил своих детей, хотя не баловал их; относился разумно, просто и спокойно.

Очень любил и Веру Николаевну, женщину милую, тихую, с обыкновенным, скорее приятным, молодежьим лицом.

В душе он, впрочем, считал ее недалекой и необразованной, не способной понимать много, – ведь она даже на курсах не была, институтка. Он с ней почти никогда и не разговаривал; но это нисколько не тяготило и не мучило его, и они прожили пятнадцать лет в завидном согласии, искреннем мире и благополучии. У обоих был хороший, добродушный характер. Ахтыров умерял иногда слишком пылкое отношение Веры Николаевны к детям, снисходительно журил ее за баловство, но с годами и это как-то обтерлось, улеглось.

– Не устал ли? – спросила Вера Николаевна мужа, когда сели за обед. – Ну, что ж, все благополучно?

– Ничего. Передай мне пирожок. Отчего Владя в платке?

– Да ему нездоровится. Я его в гимназию нынче не пустила.

– Ну, матушка, ты сейчас готова и не пустить и в платок закутать! Дети очень здоровые. Не помню, чтобы серьезно болели. Всякую болезнь ты раздувала. Насморк, а ты уже с припарками бегаешь.

– Инфлуэнца была...

– Если рационально вести себя, инфлуэнца не опасна. Владя бледен, но у него здоровый организм. Ты что чувствуешь, Владя?

– Ничего. Только холодно. И есть не хочется.

– И не ешь, если не хочется. Пустяки. К завтраму все пройдет.

Обед кончился в молчании. Ахтыров обдумывал семнадцатую «беседу», за которую хотел сегодня приняться, отдохнув. Но отдыхать не пришлось. Позвонили. Два студента. У Ахтырова было правило: всегда, во всякое время принимать студентов. И он ушел с ними в кабинет.

Оттуда часа полтора слышался мягкий, уверенный рокот профессорского голоса. Студентов не было слышно.

Когда они ушли, Ахтыров сел писать и проработал до позднего вечера. Работалось ему хорошо, и он остался доволен тем, что написал.

На другой день Вера Николаевна объявила, что Владе хуже и что она послала за доктором. А в течение недели выяснилось, что у Влади плеврит, и, кроме их домашнего доктора, к ним стал иногда приезжать еще другой, профессор, с которым Ахтыров был в дружеских отношениях.

Профессор, после совещаний с домашним доктором и подробных наставлений Вере Николаевне, заходил, обыкновенно, в кабинет к Ахтырову, если тот был дома, говорил, что болезнь Влади – серьезная и затяжная; а потом закуривал сигару, и они беседовали на разные животрепещущие общественные темы, так как доктор не был узким специалистом.

Ахтыров давно знал, что Владя болен серьезно, что нужно серьезное лечение и терпение; ему было это очень неприятно и больно за своего мальчика. Он каждый день, в свободное время, заходил в комнату больного, расспрашивал обо всем жену и садился у постели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.